

Овраг укачал деревню
(глубокая колыбель),
и зорями вторит певню
пастушеская свирель.
Как пахнет мятой и тмином
и ржами—перед дождём!
Гудит за весёлым тыном
пчелиный липовый дом.
Косматый табун—ночное—
шишига в лугах пасёт,
а небо, как и при Ное;
налитый звёздами сот.
Годами, в труде упрямом,
в глухой чернозём вросла
горбунья-хата на самом
отшибе—вон из села.
Жужжит веретёнце, кокон
наматывает рука,
и мимо радужных окон
куделятся облака.
Старуха в платке, горохом
усыпанном, как во сне...
В молитве, с последним вздохом,
ты вспомнила обо мне?
Ты вспомнила всё, что было,
над чем намело сугроб?..
Родимая! Милый-милый,
в морщинах прилежный лоб.
Как в детстве к твоим коленам
прижаться б мне головой...
Но борется с вием-тленом
кладбище гонкой травой;
но пепел (поташ пожарищ)
в обглоданных пнях тяжёл...

И разве в дупле нашаришь
гнездо одичавших пчёл;
да, хлопнув, вдруг захлебнётся
беременное ведро:
журавль сосёт из колодца
студёное серебро...
Пропела тоненько пуля,
махнула сабля плеча...
О тёплая ночь июля,
широкий плащ палача!
Бегут беззвучно колёса,
поблёскивает челнок,
а горе простовольсым
глядит на меня в окно.
Ах, эти чёрные раны
на шее и на груди!
Лети, жеребец буланный,
всё пропадом пропади!
Прощайте, завода трубы,
мелькай, степная тропа!
Я буду, рубака грубый,
раскраивать черепа.
Моё жестокое сердце,
не выдаст тебя закал!
Смотри, глупыш-офицерик,
как пьяный, навзначь упал...
Но даже и в тесной сече
я вспомню (в который раз)
родимой тихие речи
и ласковый синий глаз.
И снова учую, снова,
как зёрна во тьме орут,
как из-под золы лиловой
вербены вылезит прут.